

ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ

Бернд Гуггенбергер

1. Понятию «демократия» и ее предметной сфере выпала счастливая судьба: данное понятие современной политологии без особых споров заняло свое место как одно из ключевых в политической семантике. Этот термин широко используют и применяют в своем лексиконе даже противники демократии; их критические выпады против демократии облекаются в форму неприятия лишь конкретных форм ее реализации. До настоящего времени ученые не выработали общепринятых представлений, на базе которых можно было бы сформулировать единое определение демократии. Вместе с тем существует множество попыток ее дефиниций, не соответствующих, однако, тем или иным требованиям науки, причем разные авторы рассматривают в качестве определяющих скорее отдельные элементы демократии: равенство, соучастие (партиципация), власть большинства, ее ограничение и контроль над ней, терпимость, основные права граждан, правовая и социальная государственность, разделение властей, всеобщие выборы, гласность, конкуренция различных мнений и позиций, плюрализм и т. д.

1) Для более продуктивного понимания основополагающих представлений о демократии, несомненно, полезны этимологическая и историческая ретроспективы концепта. Сам термин «демократия» состоит из двух греческих слов: *demos* — народ и *krates* — властвование, следовательно, это «власть народа». Более развернутое определение «демократии» было сформулировано американским президентом А. Линкольном — *government of the people, by the people, for the people**. Здесь все три английских предлога выражают различные аспекты и существенные признаки демократии, а именно: демократия исходит «из» самого народа («of»), она осуществляется народом («by») и в интересах народа («for»).

Последняя характеристика демократии — как власти «для народа» — не просто вербальное определение, поскольку указывается перспектива, в которой демократия понимается как цель государства, достижимая с помощью политического и социального движения. В ранние исторические периоды (от Древней Греции и до Французской революции) «демократия» сводилась к учению о формах государства. Для Геродота (у него это понятие встречается впервые), равно как и для Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки и других классических авторов демократия означала не какой-то определенный облик общества, а особую форму организации государственной власти — ею обладают не одно лицо (как при монархии и ее вариациях, скажем, тирании) или группа людей (к примеру, при аристократии и ее разновидностях, вроде олигархии или плутократии), а все. Аристотель первым в своей типологии трех «хороших» форм государства (тирания, олигархия, демократия или охлократия), наряду с количественным критерием деления («кто господствует?»), указывает также на критерии качественные («каковы способы господства?»), причем у него отношение к «демократии» скорее немилостивое (1), как к одной из форм вырождения государственной жизни. После столь строгого вердикта Стагирита в течение последующих двух тысячелетий «демократия» оказалась в числе табуизированных, запретных понятий. Однако, несмотря на систематическое игнорирование ее как понятия, сама демократия, уже в качестве социальной реальности, не считалась обесцененной. Исследователи часто упускают из вида то важное обстоятельство, что признаваемая и одобряемая Аристотелем «полития» (2) содержит целый ряд элементов, сближающихся с более поздними, позитивными взглядами на демократию.

* Правление народа, избранное народом и для народа.

Переоценка концепта демократии, а также отмеченное выше семантическое его расширение происходят в период Французской революции. Демократия становится понятием, отражающим сперва определенное направление мысли, позднее же — обозначающим направление и содержание определенного социального движения, его политические и общественные цели. С этого времени демократия означает уже не только некую общественную структуру, альтернативно противостоящую монархии и аристократии, но становится одновременно и философско-историческим шифром в социологии власти, кодом как для целого ряда либерально-буржуазных требований автономии и соучастия в принятии решений, так и для идей и устремлений к социальному равенству. Концепция демократии превращается в главную движущую силу, сущностный элемент, имманентный всему современному развитию социальных структур. Под демократизацией

подразумевается процесс, который, беря свое начало в раннем конституционализме Англии и США, способствовал возникновению нынешних форм демократического государственного устройства, но не завершен и в наши дни. Современное конституционное государство не воплощает в себе какую-либо «законченную» структуру, либо «готовую» для применения концепцию государственного устройства, но является лишь результатом многоступенчатого, продолжающегося исторического процесса (см. обзор-таблицу).

II. Современное конституционное государство началось с обуздания и разоружения конфессиональных партий — участниц гражданской войны, с установления суверенной государственности посредством монополизации средств «узаконенного физического насилия» (М. Вебер) и сосредоточения их в руках государства. На этой первой стадии — установления внутреннего мира и формулирования проблемы суверенитета — и строится государство именно как государство. Это, однако, еще ничего не говорит о качестве самой организации власти. Государство становится конституционным лишь на второй стадии, когда этот «Левиафан» (3) (Гоббс) создает условия мира и выживания, осуществляет разделение властей и гарантирует неотчуждаемость основных прав и прав человека; и только на третьей стадии развития, с проведением в жизнь принципа суверенитета народа и с завоеванием всеобщего избирательного права оно становится демократическим конституционным государством, которое впоследствии (четвертая стадия) дополняется некоторыми компонентами государства социального, государства всеобщего благоденствия. Вся данная цепь состоит, таким образом, из гарантии всеобщего права на выживание (обеспеченные условия жизни) и социальной безопасности (мир)—через признание прав на личную свободу (свобода), через неотчуждаемые основные права и права человека, через гарантию прав на политическое соучастие и сотрудничество (равенство), вплоть до утверждения гражданских прав, предоставляемых государством всеобщего благоденствия. Этим, однако, не исчерпывается динамика развития демократического конституционного государства, его политической структуры. В перспективе, и даже за пределами демократической государственной структуры (на ее четвертой стадии), уже вырисовываются требования будущих гарантий. Они касаются окружающей среды и жизненных прав, экологической и миро-жизненной (4) неприкосновенности перед императивами промышленного развития, а также социальной и военной безопасности.

Обзор- таблица

Стадии развития современного конституционного государства					
Стадии	Главное требование	Доминантный тип права	Боязнь	Стремление к	Политически-институциональные выводы
I	«Мир»	общие права на выживание и на безопасность	насиленной смерти, общей ненадежности, террора, гражданской войны, внутренней разобщенности	внутреннему миру, безопасности, прогнозируемости, ясности властных отношений	государственный суверенитет, монополизация государством законных средств физического насилия
II	«Свобода»	права личной свободы	государственного террора, насилия над совестью, мелочной опеки со стороны государственных органов	свободе личности и рынка, самоопределению, сферам вне государственного вмешательства	конституционное государство, неотчуждаемые основные права и права человека, разделение властей, принцип парламентского большинства
III	«Равенство»	право политического соучастия, содействия	рабства, бесправия, ущемленности, нераспространенности гражданских свобод на всех	равноправию, равной для всех свободе, соучастию в политических решениях	правовое государство, политическая демократия, право на всеобщие и равные выборы, парламентское представительство, суверенитет народа, сотрудничество партий
IV	«Братство»	социальные (гражданские) права	социальной и материальной ущемленности, нищеты	материальному достатку, обеспечению	социальное государство, современное

				равенства шансов	государство всеобщего благоденствия
V	«Окружающая среда», экологическая надежность	право на экологическое выживание (экзистенциальные права человека и права самой природы)	всеобщего разрушения природы и жизни, атомной и экологической катастроф, опасности для естественных условий жизни	нормальному существованию в условиях мира, экологическому равновесию, «естественному», адаптивному образу жизни	защита животного мира, среды обитания и жизни как конституционные права, комиссии по этике, учреждение технических академий

III. Если теория демократии, как видно из изложенного, все больше направляется в русло демократическо-политической практики, то историю демократии все же не следует отождествлять с историей конституций и государственных устройств. Ретроспектива здесь служит лишь прояснению теории демократии в ее историческом аспекте, главным образом путем систематизации проблем — от более общих к частным.

Изначально в теории демократии есть два основных типа концептуальных подходов: 1) нормативный и 2) эмпирически-описательный (дескриптивный). И если в рамках первого анализируется и обосновывается вопрос о том, что такое демократия в идеальном виде и в чем она превосходит другие формы управления обществом, то второй охватывает вопросы о том, что такое демократия и как она функционирует на практике. Такая дифференциация, однако, позволяет дать лишь весьма приблизительную ориентацию. И действительно, нормативные принципы и их обоснование апеллируют к опыту, к политической практике; и наоборот, эмпирические принципы и теоретические построения никогда не ограничиваются только политическими реалиями, но также их интерпретируют и как-то классифицируют по определенному аспекту. В пределах этих двух моделей возникают разные направления исследований, сфокусированные на формулируемых ими же самими задачах, акцентирующие те или иные элементы проблемы.

1) Традиционно-либеральная теория демократии при описании представительной демократии исходит из центрального тезиса, связанного с англосаксонской историей: демократия обозначается как *responsible government* (Бэйхот), т. е. как ответственное правление, правительство, способное принимать решения и несущее за них ответственность.

Главное здесь — не стирание различий между правителями и подданными, составлявшее ядро уравнилельных руссоистских представлений о демократии, а образование реальной основы для принятия ответственных решений. Представительная демократия ставит перед собою прежде всего цель создать условия и возможности для четкого проведения принципа ответственности при меньшем внимании к принципу соучастия, хотя при выполнении правительством своих обязательств (связанных с принципом ответственности) обычно используются именно процедуры соучастия. В этой перспективе демократизация означает не только «максимизацию шансов соучастия», но одновременно и «максимизацию политической ответственности». Конституционность и ограничение политического господства — основные элементы понимания представительной демократии. Воля народа выражается не в полной мере и прямо, а через институт посредников — она делегируется представителям, которые сами и начинают формировать волеизъявление народа, а при принятии политических решений выражают и антиципируют (предвосхищают) эту волю самостоятельно и под собственную ответственность. Между народными представителями и теми, кого они представляют, устанавливаются определенные отношения, основанные на полномочиях и на доверии (*trust*). В подобном случае обе стороны одинаково конститутивны (5). Таким образом, существуют, с одной стороны, не выходящие за рамки границ, установленных конституцией, независимость, а также политическая и правовая компетентность депутата, с другой же — полномочия, только переданные ему избирателями, народом. Сторонники идентитарной (6) демократии отвергают именно этот принцип: по их мнению, представительство, полномочия, образование промежуточных властных структур суть элементы, чуждые истинной демократии.

Именно потому Руссо утверждал, что «английский народ был свободен только на протяжении одного дня, того дня, когда он избирал свой парламент. После этого народ вновь живет в рабстве, он — ничто». Следовательно, народ, если он желает быть свободным, не должен добровольно подпадать под ярмо процедур принятия решений, основанных на разделении властей. «Любой закон, который народ сам «лично» не

утверждал, ничто, пустое место, он — не закон», — говорил Руссо. Такая жесткость суждения покоится, собственно, на эмпирически не обоснованной фикции о существовании какой-то гомогенной (7) воли народа. Только в том случае, когда все мы верим в существование а priori допускаемого, но ничем не доказуемого и не существующего всеобщего блага, возможны и отождествление управляющих и управляемых, и игнорирование различия между правителями и подданными, как того требуют Руссо и руссоисты. Здесь четко вырисовывается противоположность руссоистской и плюралистической представительной концепции демократии.

2) Сторонники плюралистической (8) концепции исходят из того, что восприятие в первую очередь собственной пользы или выгоды относится к неистребимым чертам человеческой природы. По этой причине гомогенность мышления и волеизъявления не может стать исходным пунктом любой политики. Таким началом явятся лишь учет и возможно более полная представленность («репрезентация») различных по своей внутренней направленности интересов и мнений. Только при арбитраже наличных противоречий, в процессе, с одной стороны, совместных, а с другой — конфликтных действий возникает своего рода «всеобщее благо a posteriori» (Фрэнкель). В данном плане налицо структурное согласие между адептами релятивистской и скептицистской концепций демократии (Радбрух, Кельзен), которые выводят демократию и правило большинства из различения истинности и принципиальной одноценности всех мнений и интересов.

Теоретики плюралистической демократии из среды последователей британских политологов и социалистов (Ласки) считают монополизацию политических решений со стороны отдельных общественных групп попросту невозможной, ибо, согласно их концепции, процесс принятия решений и формирования воли осуществляется через систему противоборствующих сил (checks and balances), на некоем «среднем пути», одинаково удаленном от наличных в каждом случае частных интересов и позиций. Политика как бы слушает (и учитывает) все стороны, и в то же время не склоняется к мнению одной из них, ограничивая тем самым все «голоса». Значит, плюралистическая концепция подразумевает известное равновесие сил, исключающее политическое действие в особых интересах лишь одной группы властвующих.

Сторонники идеи представительности (репрезентации) склонны решать вопрос о желательности или нежелательности политического соучастия (партиципации) скорее в соответствии с функциональными требованиями системы. В противоположность им критики представительной системы («системы репрезентации»), будучи приверженцами прямого формирования воли народа, склонны рассматривать политическое участие как «самоценность». Согласно Лейбхольцу, пытавшемуся скомбинировать обе концепции, современная демократия сделала структурный поворот в сторону «государства партий». Партии, по его мнению, стали рупорами обретшего голос народа. Такое развитие политической ситуации позволяет отождествлять волю партий и волю народа, рассматривать плебисцитарное государство партий как суррогат прямой демократии в современном государстве равных возможностей (Flächenstaat)

3) Создатели элитарной теории демократии выступают против преувеличений и прожектерства, лежащих, по их мнению, в основе старых либеральных идеалов демократии. Вместе с тем из разрыва между идеальными представлениями о демократии XIX в. и действительностью они не делают вывода о «ложности» самой действительности. Способ их доказательства как раз противонаправлен — не действительность должна корректироваться в соответствии с идеалом, а наоборот, сам идеал должен быть прагматически проверен ею. Если следовать этому, то нетрудно придти к выводу о необходимости отказаться от признания самостоятельной роли нормативных убеждений о должностовании. В этом случае нормативной силой обладает лишь фактическое. То, что демократия может и должна делать, определяется тем, что она делает практически, и что можно фиксировать объективно. На месте разочаровавшего идеала вырастает добродетель лишенного всяких иллюзий реализма. При подобной ориентации игнорируется то, что наряду с нормативной силой фактического существует регулирующая фактическая сила нормативного.

Сторонники элитарной теории демократии исходят из выведенного из политической эмпирики положения, согласно которому даже в условиях господства демократического меньшинства политические решения все равно принимаются преимущественно большинством. В отличие от представителей критической теории демократии, твердо придерживающихся постулатов суверенитета народа, равенства и политического самоопределения посредством соучастия в принятии решений, приверженцы элитарной

теории не считают недостатком господство и власть демократической элиты; при этом они рассматривают свою точку зрения лишь как последовательный вывод из того, что не существует ни хорошо разработанной и полноценной научной, политически обязывающей концепции всеобщего блага, ни какого-либо рационального поведения граждан при голосовании на выборах или при принятии решений по тем или иным конкретным проблемам. В разработанной Шумпетером модели элиты требования демократии сводятся к методу образования власти: «Демократический метод — это тот порядок создания института для достижения политических решений, при котором отдельные (социальные силы) получают право на принятие решений посредством конкурентной борьбы за голоса народа». Согласно этой модели, (социально) дифференцированные сообщества (как субъекты) не обладают постоянным правом решающего голоса во всех вопросах, а осуществляют это право посредством своего рода «политического разделения труда». При таком положении господствующая элита, избранная на определенный срок, принимает функции политического представительства большинства населения, лишённого на этот же срок возможности действовать и словом, и поступками. Таким образом, преимущество демократии в сравнении с формами господства меньшинства почти целиком состоит в способе образования власти большинства. Эта власть, в силу своей природы, должна по меньшей мере создать условия для гласности, политического чередования и хотя бы ограниченного контроля. На основе нормативных принципов оценки изложенная концепция не находит в реальной жизни всестороннего подтверждения.

4) Чрезвычайно влиятельная и распространенная «экономическая теория» демократии, созданная Даунсом по традиционной модели политэкономических концепций, строится на основе сформулированного им положения о том, что каждый человек с помощью рациональной деятельности в состоянии добиться максимальной для себя (личной) пользы. Это представление лежит в основе образа Homo oeconomicus — человека экономического, всесторонне информированного, способного принимать решения на рациональных основаниях. Однако в высшей степени сомнительно, что решения, касающиеся политического выбора, можно сопоставлять с решениями, которые человек принимает в сфере рыночных отношений. При таком сравнении вне поля зрения остается то, что отличает политические решения от всех других типов решений, а именно: в политике прослеживается рациональность коллективных действий, ибо -выбор здесь предполагает определенный уровень обработки информации. А это имеет место только в общественных, интеракционных процессах, при совместном действии.

Излишняя индивидуализация рациональности поведения дала возможность Баченену и Тэллоку, развивавшим упомянутый принцип Даунса, обосновать демократию на базе старых концепций общественного договора. Для этих исследователей демократия и решающий голос большинства являются теми правилами принятия решений, которые вынуждают рационально мыслящих индивидов так или иначе прийти к взаимопониманию.

5) Оппоненты критической теории демократии выступают против фатальных выводов, которые можно сделать из анализа эмпирически-дескриптивных принципов этой теории, против «теории господства демократической элиты» и против теории плюрализма. С точки зрения таких авторов, в упомянутых теориях утрачиваются критическая дистанция, критический подход к политической и социальной реальности каждого временного периода. Критическая теория демократии анализирует действительность, вооружившись строго нормативными постулатами, в центре которых — идеал индивидуального самоопределения. Эта ориентация на автономию отдельной личности ведет к двум различным и даже противоположным выводам: с одной стороны — к требованию всестороннего политического участия и демократизации в масштабе всего общества, с другой же стороны — к требованию свободных условий существования для господства, власти. Обе разновидности критической теории демократии, т. е. «партиципаторную» (право соучастия во всем) и «анархическую», на практике приходится строго «разводить», так как их представители в своих оценочных суждениях используют схожие аргументы. Не говоря уже о том, что исходный пункт у них один — индивидуальное самоопределение.

Концепция партиципации (соучастия) рассматривает самоопределение личности как право участия в принятии решений через право голоса; во всех сферах жизни нужно такое соучастие. Не существует никаких частных или общественных «пространств», которые были бы вне политики. Целью здесь является всесторонняя демократизация всех сфер жизни (Вильмар). Аналогом подобной концепции демократии является экспансионистское, т. е. расширительное понимание политики как охватывающей и частные, и общественные сферы жизни.

Если партиципаторная интерпретация демократии включает в себе тенденцию к «тотальной политизации», то анархистский вариант, наоборот, стремится к «тотальной приватизации». Целью и функцией демократии, с этой второй точки зрения, является упразднение любой формы господства.

Сторонники идеала отсутствия всякого господства делают ставку на свободный от гегемонии и от всякого принуждения дискурс (9), при котором, опираясь на общие усилия, формируется не оспариваемый никем минимум проблем и решений; и при этом — без всякого утайвания, обмана — открыто демонстрируются интересы всех участвующих сторон. Эта модель дискурса, сформулированная Хабермасом, исходит из положения, согласно которому «практические вопросы содержат истину», и приходит к требованию кон-сенсуальных, т. е. согласительных методов единения. Там, где в результате голосования никто не остается в меньшинстве, никто и не может чувствовать себя подчиненным или думать, что его судьбу определяют другие.

На этом-то утопическом пункте и сходятся партиципаторный и анархистский варианты критической теории демократии. При требовании соучастия суверенитет народа рассматривается как некий абсолюте; считается, как и в концепции Руссо, что народ есть нечто единое, субъект, одаренный единой волей. Требование отсутствия всякой власти (собственно, безвластия) делает автономию индивида и его самораскрытие абсолютными, а любые коллективные действия оказываются возможными только в тех случаях, когда всех объединяет одна единая воля.

б) Аналогично обстоит дело и с социалистической теорией демократии — при двояком ее отношении к самой идее демократии. С одной стороны, в условиях предполагаемого бесклассового коммунизма как бы естественно подразумевается, что не будет никаких форм господства. С другой — высказывается опасение, что можно приукрашивать «классовое содержание буржуазной демократии» (Ленин) и тем самым ослабить готовность (рабочего класса) к революции. Согласно марксистской доктрине, существуют только классовые демократии. И когда «ревизионист» Бернштейн назвал демократию «высшей школой компромиссов», то влияние именно этого, гасящего противостояние, высказывания и вытекающее отсюда игнорирование классовой противоположности стали бельмом в глазу для всех ортодоксов. Согласно мнению последних, за фасадом принципа большинства и формального равенства «буржуазная демократия» скрывает свой репрессивный, классовый характер. Только «пролетарская» (или «социалистическая») демократия решительно преодолевает рамки псевдodemократического буржуазного государства. Только социалистическая революция создает условия для формирования «социально единого народа» как базиса действительной власти народа. Конечно, при социализме все еще существуют различные классы, однако, согласно сталинской доктрине, порождаемые ими противоположность интересов и противоречия не являются более антагонистическими, так что и само (социалистическое) государство не может более функционировать как орудие господства и угнетения в руках одного класса. Для социалистической теории демократия является исторически преходящим явлением. Первый период развития полностью исчерпывается завоеванием политической власти и стратегией закрепления диктатуры пролетариата. Лукач употребил для этого периода парадоксальное по своей сути понятие «демократическая диктатура». Только на второй фазе развития демократия распространяет свое действие на весь народ. И, наконец, «в коммунистическом обществе демократия, став просто привычкой, отмирает» (Ленин).

Демократия, в контексте марксистского учения о государстве, является составной частью универсальной теории развития общества в ее философско-исторической перспективе и с определенной периодизацией. В рамках этой теории дается точное описание целей и функций демократии. Совершенно по-иному выглядит это отношение (между целью и функциями) в западной теории демократии. Демократия здесь вовсе не является соглашением на основе постепенно устанавливающейся мировоззренческой и социальной гомогенности; она возникает скорее на базе нуждающегося в постоянном обновлении политического соглашения именно в силу всевозрастающих мировоззренческих и социальных различий (в современном обществе). Западная демократия не признает обязательного ее предпочтения какой-либо раз навсегда заданной государственной цели, но стремится к демократическому единению воли, при котором цели общества в изменяющихся условиях постоянно как бы переопределяются. Обязательство придерживаться идеологически фиксированной цели истории и общества здесь заменяет обязанность придерживаться метода плюрализма, соревнования различных ценностей, а также терпимости.

Специфической чертой социалистической теории демократии является то, что, несмотря на различия в точках зрения и подходах отдельных теоретиков, все они подчеркивают наличие «классовой основы» как критерия демократии. По этой причине для них «основные социальные права» намного более значительны, чем политические права свободы и соучастия, которые преимущественно и ценятся в «буржуазной демократии». Это ясно видно в конфронтации «политической» и «социальной» демократии у австромарксиста Адлера. Однако марксистское учение о государстве постепенно начинает воспринимать и такие, имеющие либерально-конституционные корни, фундаментальные требования, как свободные выборы, правовое государство, разделение властей, федерализм. Если исходить из самоинтерпретации этих различных точек зрения, то можно, пожалуй, констатировать их сближение. Государство с демократической структурой уже давно стало на путь развития к государству социального действия и всеобщего благоденствия. «Буржуазная демократия» пополнила свою первоначально конституционно-политическую направленность социальными измерениями. И есть признаки того, что и «социалистическая демократия» обретает тенденцию к дополнению своей традиционной ориентации на социальное равенство, благосостояние и технико-экономическую эффективность значительными элементами политически правового государства.

7) В своей системной версии теории демократии Луманн пытается заново определить нормативные предпосылки демократии. При этом он исходит из не имеющегося в истории прецедента — понятия «степени комплексности» политически релевантного горизонта действительности; цели как, индивидуального, так и коллективного действия, по его мнению, не задаются однозначно. Мы находимся в бесконечно открытом, чрезвычайно сложном и оптически (10) не определенном мире. Политика должна постоянно заботиться о выработке основ и критериев принимаемых ею решений. В этой ситуации демократия является наиболее приемлемым путем и средством решения вопросов, так как она дает в распоряжение общества весьма нейтральную по содержанию, свободную от «предварительных оценочных подходов» методологическую основу для выработки решений или, на языке системотехники, «избирательных действий высокого уровня». От других форм государственности демократия отличается тем, что она, «несмотря на повседневную работу по выработке решений», сохраняет «всю широту шкалы комплексности» (Луманн). И хотя демократия при каждом принятом решении отбрасывает множество других возможных вариантов, иными словами, «редуцирует комплексность» (т. е. уменьшает, суживает ее), она все же ищет и оставляет определенные возможности и для восприятия иного выбора в будущем. Демократия, таким образом, комбинирует способность выработки нужных решений с сохранением комплексности, т. е. структурной открытости для альтернативных действий.

Первоначально все это кажется весьма схожим с общими основаниями традиционной либеральной теории демократии: свободой, многообразием, плюрализмом, открытостью, соучастием, соревнованием различных мнений. И все же в контексте системно-теоретического обоснования демократии все эти ценности и принципы приобретают совершенно иной смысл: многообразие не рассматривается как шанс на психосоциальное обогащение субъекта; адаптивность и способность менять свои цели являются положительными ценностями, поскольку именно они, в условиях существования сложной (социальной и природной) среды, скорее всего, могут сохранить политический режим. Демократическое соучастие приобретает свою значимость не в качестве инструмента реализации личной и коллективной автономии, а как гарант возможно более широкого спектра политических решений. И, наконец, выборы как «средоточие» демократии при представительной системе меньше всего служат реализации личной свободы самоопределения, а скорее способствуют прикрытию административных решений и использованию преходящих настроений избирателей в ходе состязания политических партий. Короче: при функционалистском рассмотрении демократии субъективная мотивация и психологическое поощрение демократии систематически замещаются объективными, системофункциональными действиями; партиципация (соучастие) порождает многообразие, «комплексность», которая, в свою очередь, обеспечивает долговременную устойчивость системы. Демократия оправдывает себя уже не как «наиболее гуманная» форма организации властных отношений, но скорее как именно та форма государственной жизни, которая в современных условиях лучше всего позволяет сохранить систему.

Вопреки своим собственным притязаниям системная концепция обоснования демократии не пересматривает нормативные предпосылки демократии, но делает само строго нормативное ее обоснование излишним. Замещение традиционных нормативных,

структурных и процедурных признаков демократии функционалистскими критериями, относящимися к способности системы к самосохранению, не создает все же легитимной (законной) базы для демократии. Ибо в принципе любая и каждая организация власти, создающая оптимальные условия для самосохранения системы, может быть оправдана на этой основе.

IV. Колебание релевантных демократических ориентаций между двумя полюсами — «утопией» и «приспособлением» (Шарпф) — не очень хорошо повлияло на дискуссии о демократии в последние два десятилетия. Любой концепции демократии, удовлетворяющей современным стандартам науки, необходимо быть достаточно комплексной и одновременно гибкой, чтобы оказаться в состоянии интегрировать обе посылки, т. е. эвристически осмыслять и соотносить друг с другом специфические вопросы и выводы относительно различных принципов демократии. Далее, теория демократии должна принимать во внимание и учитывать как эмпирические данные и знания, выработанные в ходе социологических исследований партий и организаций, изучения выборов, в политической психологии и других специальных дисциплинах, равно и так называемые «релевантные вопросы», социальные целеполагания и социальные оценки, надежды и опасения, которые так или иначе соотнесены с демократией.

Теория демократии не может ограничивать себя одной единственной из каких-либо двух целей (соучастие или эффективность, свобода или равенство, правовое или социальное государство, защита меньшинства или власть большинства, автономия или авторитет); наоборот, она должна комбинировать возможно большее число тех представлений о целях, которые выкристаллизовались в западной философии демократии, а также в демократической практике и оказались социально значимыми. Теория демократии не должна просто отражать, воспроизводить действительность или безнадежно растворяться в крайне далеких от действительности утопиях. Она нуждается в комплексных предпосылках, в принципах, занимающих как бы серединное положение между образами демократии и действительностью; нужна теория демократии, которая постоянно опережает свою реальность, но никогда не теряет ее из виду.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Почему демократия оказалась «в немилости» у Аристотеля? Очевидно потому, что он не проводил различия между «демократией» и «охлакратией». Аристотель, конечно, понимал существенную разницу между указанными двумя формами власти, но создал и другое — что «демос» (т. е. народ в собственном смысле) правители могут с помощью искусной «демагогии» довести до уровня «охлоса» — «черни», использовать его в своих целях, называя это «демократией», «народовластием». Действительно, было много случаев таких превращений в истории практически всех народов, нашей отечественной в том числе. Вместе с тем авторитет Аристотеля и в древности, и в средние века был столь велик, что его «вердикт» действительно оттеснил на длительное время понятие демократии на периферию социального и политического знания,

2. «Политея» или «полития» означала в древнегреческой политической мысли (Платон, Ксенофонт, Аристотель и более поздние мыслители) «государственную жизнь», «государственное устройство», а также учение о них, взгляд на них. Само слово восходит к термину «полис», т. е. «место», «город», в котором живет компактное сообщество свободных людей (греков) — в созданных ими структурах определенного социального и политического единения, под защитой выработанных для этой цели законов, религиозных и нравственных норм. Учение о таком «полисе», его государственном (конституционном) устройстве и называлось политеией.

3. Левиафан — чудовище, описанное в Библии, в Книге Иова, особенно в Главе 41 («Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры. Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка, или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас...» и т. д.) Вот с таким чудовищем отождествлял государство английский философ Томас Гоббс (1588—1679). Сочинение называлось «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). В этом, главном его труде Гоббс, наряду с другими философскими проблемами, излагает и свое учение о государстве как о Левиафане-чудовище.

4. Термин «мирозитенный», получивший с чьей-то легкой руки «право гражданства» в нашей, в основном философской, литературе, есть не совсем удачная «калька» с немецкого слова *Lebenswelt*. Оно означает жизненную среду человека, в которую тот непосредственно включен. При этом подразумевается среда как природная, так и культурная, цивилизованная, т. е. мир, созданный человеком, так называемый искусственный мир.

5. Если что-то «конститутивно», то это означает — основополагающее, имеющее учредительную силу и полномочия. Здесь подразумевается, что эти «силы» могут принимать законы или решать, влиять на их формулирование и принятие, как и отменять законы или требовать их отмены. Таким образом, речь идет о равных конституирующих, т. е. учредительных, возможностях как представителей (депутатов), так и тех, кто их избирал.

6. Термин «идентитарный» — от латинского слова *identitas* и немецкого *Identität*, означающего тождество, «идентичность». Сторонники идентитарной теории демократии, исходя из положения о том, что воля народа и господство, власть (должны быть) идентичны, тождественны, должны совпадать во всех основных измерениях, требуют непосредственного, без опосредствующих звеньев (без сложной властной иерархии) выражения и реализации воли народа. Это и должно привести к тождеству, «идентичности» воли народа и власти, ее представляющей. Однако власть — это материальное воплощение некой идеи, в данном случае — идеи

государства. И как таковое она обретает самостоятельную «жизнь». Поэтому «тождество» между властью и волей (народа), ее сотворившей, вряд ли достижимо. Речь может идти лишь о максимальном «очеловечивании» этого средства (государства, власти), приведении его в возможно большее соответствие с волей народа.

7. «Гомогенный» — греческий термин, означающий, как известно, «одинаковое происхождение», «одинаковую природу», единую сущность. В данном контексте предполагается, что существует состоящий из одинаковых по своим основным характеристикам личностей народ, воля которого, вследствие этого, «гомогенна», т. е. в своей основе едина «по происхождению» и по существу. Развивая данную теорию, ее сторонники говорят также и о «гомогенности» управляющих и управляемых. В дальнейшем изложении Б. Гуггенбергер это представление о «народе» справедливо опровергает, ибо человеческая воля так же индивидуальна, как и другие фундаментальные черты личности.

8. Термин «плюрализм», в настоящее время столь широко распространенный, восходит к латинскому слову pluralis, т. е. множественный. Отсюда и его политическое «звучание»: в политологии плюрализм означает одновременное существование нескольких, или множества, организованных политических сил, социальных и политических точек зрения и концепций. Все они имеют одинаковое и гарантированное право на существование и конкурируют друг с другом с целью завоевания социального и политического влияния, а в конечном счете — и власти. В плюралистическом обществе такие силы должны добиваться доверия народа и общества только законными средствами. Их борьба, соревнование, согласно плюралистической концепции, способствуют мирному, оптимальному, демократическому решению возникающих проблем и ставят мощный заслон попыткам установления тоталитарных режимов.

9. Дискурс — понятие, распространяющееся во всем мире за последние годы в сфере политических наук. Восходит к латинскому слову discursus, означающему «разговор», «беседу». В Средневековье, особенно позднем, термином «дискурсивный» называли особого рода беседы, речи, лекции, в которых определенный (философский по преимуществу) сюжет анализировался последовательно, без нарушений логических «правил мышления», систематически. Так сложился «дискурсивный» метод, ставший к Новому времени одним из характерных черт западноевропейского рационализма.

10. Термин «оптический» — важное понятие, появившееся в немецкой философии нашего века (М. Хайдеггер и др.). Оно предназначено для различения и характеристики целого ряда явлений и предметов, в отличие от «онтологических» сюжетов. Корень их, однако, един. Как тот, так и другой термины восходят к греческому слову *оп* — «сущее», существующее, бытие. В соединении со словом «логос» был образован философский термин «онтология», означающий, как известно, «учение о бытии». Соответственно и прилагательное — «онтологический». Термин же «оптический» схватывает непосредственно сущее и соотносит с реальными вещами, предметами, явлениями, подразумевая, таким образом, контекст конкретных форм существования и соотносит с ними понятия.

(Перевод с немецкого и примечания А. Г. Арзаканяна)